

«Альбом»
С. В. Воробьев, др.

№ 285
Россиоф ЧФ
В. Воробьев
№ 285

Россиоф ЧФ

11 декабря 1985 г. № 285 (19174)

ТЕАТР

ОТКЛОНЕНИЕ

Состоялся дебют главного режиссера Ростовского областного театра имени Ленинского комсомола В. Чигишева. Вместе с художником В. Бенедиктовым он поставил спектакль «Автобус» по пьесе болгарского драматурга С. Стратиева.

Это был очень странный автобус. То он томительно долго стоял, то, двинувшись, наконец, развивал бешеную скорость, проносясь в рискованной близости со встречным транспортом. Он шел по невероятному маршруту — так, что дважды выходявший из него пассажир каким-то образом вновь входил в автобус. Наконец, выяснилось, что водитель едет в Копривницу, находящуюся в ста километрах от Софии, вместо того, чтобы мирно, с остановками, как полагается, двигаться к центру столицы.

Это и есть главное фабульное событие сатирической комедии С. Стратиева. Загадочный водитель, отклонившийся от городского маршрута, не входит в список действующих лиц. В нем начнутся пассажиры, «отобранные» автором по сословно-типологическим признакам, оказавшиеся в замкнутом пространстве автобуса, как в некоем современном ковчеге. Мы не только отмечаем иронический вариант библейской пары (Разумный — Неразумный), но и наличие в каждом персонаже свойств «чистых» и «нечистых». Поставленные перед необходимостью выбора в многократно возникающих конфликтных ситуациях, они проявляют то добросердечие, то эгоизм и черствость. Житейски

невероятный сюжетный ход позволяет автору не только сатирически укрупнить фигуры действующих лиц, но и средствами гротеска, парадокса решать проблемы, актуальные во все времена и спроецированные на сегодняшний день: взаимоотношение человека с обществом, с моралью, историей, культурой.

Как же решает эти вопросы театр? Вертящаяся наклонная плоскость с сиденьями представляет нам автобус «в разрезе». Открываемые невидимым водителем двери впускают очередного пассажира, за которым курит загадочная дымка. Сценический автобус делает круг, и над ним зажигаются крупные звезды, точно не обычный городской транспорт совершает ежедневный маршрут, а уходит в рейс космический корабль навстречу событиям невероятным. И они, представьте, происходят — и не менее дикие, чем можно было бы ожидать в космических сферах. Водитель, не успевший за день купить хлеба, сначала объезжает городские булочные и, отчаявшись, направляется в родные края, в Копривницу, поест маминного душистого хлеба. А потом понятие «хлеб» теряет свой конкретный смысл: водитель уже не за ним едет, а просто в отчий дом, к родительскому порогу.

Так входит в спектакль тема долга, тема корней, без которых человек беспомощен и одинок. В микросреде автобусного салона закипают нешуточные страсти, сшиба-

ются мнения. То все ополчается против Виртуоза, то против Влюбленных, и даже Разумному, с его безобидным чувством самосохранения, не удается миновать момента всеобщего недоверия. То сообщца бросаются на помощь пострадавшему Неразумному, то находят оправдание водителю. Что объединяет людей, что разобщает?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно понять, что за люди перед нами. И театр стремится к точности типажных характеристик, созданных при помощи пластики, костюма персонажей, способа их существования в спектакле. А Габ играет своего Разумного человека, ирония которого проистекает из сознания того, что он все знает о жизни и о людях, может наблюдать за ними со стороны, снисходительно давая советы, едко резюмируя итоги чужих поступков. Но от жизни не уберечься — она и Разумного подвергает в самую гущу конфликта, лишая привычной осторожности, а импульсивный Неразумный (артист И. Мужжухин), получивший от нее урок, становится осмотрительным.

Случайно, в дорожном происшествии, соприкоснулись совершенно автономные миры: Виртуоз, Алдомировец, Безответственный, Влюбленные... Что раньше знали они друг о друге, поглощенные собственными заботами? Перевитие потрясенного недоверием, равнодушным, Виртуоз (артист В. Воробьев) приходит к пониманию того, что, кроме музыки, есть на свете

и другие ценности. Алдомировец (артист В. Сучков) с горечью вспоминает семейные распри, точно сию минуту стал для него очевиден урон от них. Под натиском обывательской правды снижает Влюбленный (артист С. Зинькевич), и, впервые столкнувшись с предательством близкого человека, вызов ему бросает Влюбленная (артистка А. Подгорная).

Реальная фигура каждого пассажира вписывается в сюжет, по существу фантастический. Разговоры о вещах обыденных, житейских заботах и тревогах неожиданно «вырываются» в иные сферы, поражая философской глубиной и масштабом. Сплав сиюминутных и общечеловеческих проблем, хитроумное сплетение серьезности и иронии, стремительное перетекание мотивов (в забавной ситуации вдруг начинает звучать поэтическая нота, каскад хлестких реплик прерывается монологом, полным истинной боли), естественно, рождает сценическую гиперболу, вплоть до эксцентрики, к которой актеры прибегают охотно, может быть, охотнее, чем следовало бы.

Ведь не так важны житейские внешние обстоятельства, визг тормозов, натуральности качки, как то, что происходит с самими людьми. С каждым поворотом круга высвечиваются одна-две фигуры; в центре внимания оказывается очередной персонаж, которому «дано

слово», раскрывающее его жизненную философию, сомнения, сложность «притирки» к другим людям. Мы уже не задаемся вопросом: возможно ли в реальной жизни, чтобы водитель автобуса поехал по своим делам вместе с пассажирами? Эта гротесковая условность нами принята. Главный интерес не в ней, не в отклонении от человеческих норм, к тем открытиям, которые в необычной обстановке сделали для себя люди. Как же они раньше не замечали, что рвутся родовые узы, забыт сыновний долг, нет сердечности в отношении к ближнему?

Каждый человек в автобусе по-своему переживает общие открытия. А как мы, сидящие в зале, ощущаем это? С очередным поворотом автобуса — круга неизбежная пауза ослабляет натянутость клубка отношений, возникших в предшествующем эпизоде. Острая реплика в устах актера возводится в некий абсолютизм, отрываясь от реальной почвы. И уже не кажутся драматичными усилии людей понять друг друга.

В финале Влюбленная вновь радуется жизни, самой малости в ней, точно отсекая от себя остальных пассажиров автобуса. В конце концов их должно примирить нечто доброе, чистое, идущее от сердца, а потому всем доступное. Но вот этому «нечто» театр и не смог найти сценического эквивалента. А оно — как душа, которую невозможно осознать, но о которой все знают, что она есть и без нее человеку не обойтись...

Л. ФРЕЙДЛИН.